

По неизвестным причинам, я смог пренебречь его резким смехом. В странный момент ясности, несмотря на его воюющие хрипы, меня осенило, что этот старик едва ли выглядел, как тот грубый, хрупкий старик, на которого мы могли бы представить себе человека ста лет. Вместо этого он выглядел так, как будто ему только за семьдесят. На его лице были мелкие складки, хотя вряд ли это были глубокие морщины, которые были у большинства стариков. По его веселой ухмылке я видел его аккуратные белые зубы, которые, как я подозревал, были зубными протезами. Пока они с Третьим дядей продолжали разговор, его движения и жесты были быстрыми и подвижными, едва ли вписываясь в образ слабого и больного старика с длинной, струящейся гривой и бородой. Как и сам Третий дядя, старик был также чудовищным и эффузивным человеком, чье рвение никогда не прекратится, если ему не будет позволено.

Через несколько минут его смотритель появился с новыми чашками и налил нам чаю. Мы тоже сели и поняли, что рядом с каменным столом было несколько табуреток - знак того, что старик регулярно приходил к нам в гости. Смотритель появился еще раз, на этот раз с фруктами на подносе. Накладывая их на стол, он сказал перед отъездом: "Возьми немного фруктов". Все они сами здесь выращены..." Внезапно из садов позвонил голос, прежде чем мы смогли назвать причину нашего визита. "Юный Хенг!" Там было несколько человек, которые пришли. По их манере, они казались бывшими коллегами третьего дяди, ибо один из них даже обнял его, как дядя обожает своего любимого племянника. За фруктами и чаем они начали говорить о своих семьях и прошлых подвигах, останавливаясь на полпути только для того, чтобы посмеяться или освежиться чаем. Один из мужчин, похожий на лидера группы братьев, извлек телефон и заговорил в мундштук. Вернув телефон в карман, он сделал объявление: никто не должен был уходить до тех пор, пока не поужинает вместе. Он позвонил на свою фабрику и договорился. Давно разлученные братья ели вместе и наслаждались долгой беседой за выпивкой... Он посмотрел на нас троих и сказал: "Фабрика недалеко". Она прямо за пределами этого комплекса", - перед тем, как он повернулся к старику и сказал: "Давайте посетим эту фабрику, которую вы когда-то построили, мастер Сюань!".

Человек был директором одной из фабрик, которую Мастер Сюань основал несколько десятилетий назад. Мы встали на ноги, и Линь Фэн и я собирались помочь Мастеру Сюаню встать, когда он помахал нам рукой. Он держался за свою голову дракона, чтобы поддержать его, и медленно ушел вместе с нами. С директором, который показал нам все вокруг, мы осмотрели фабрику, когда старик устался и посмотрел на внутренности фабрики своего собственного изобретения, вспоминая о своем прошлом. Мы пришли в столовую фабрики и были приведены в комнату, над дверью которой висела вывеска с надписью "Приемная". Должно быть, здесь руководство фабрики принимает гостей, интересно. И я просто прохладился мимо деталей нашей трапезы.

В конце нашей трапезы появились две женщины-сопровождающие и проводили старика обратно в его дом. Третий дядя и его друзья остались, опуская стакан за стаканом, когда их разговоры проносились по тропе воспоминаний, принося им как слезы, так и смех, когда они вспоминали свое прошлое. К тому времени, как они назвали это увольнением, было уже 10 ночей. Поэтому мы провели там ночь по приглашению друзей Третьего дяди, которые приготовили для нас несколько комнат на фабрике. На следующее утро, умывшись и позавтракав в фабричной столовой, мы вернулись в резиденцию старика Чэнь Исюаня, резиденцию Чэнь. Старик, ожидая, что мы вернемся, долго ждал в беседке в своем саду. Деревянный ящик сидел на каменном столе и ждал нас. Пришло время заняться делом, я догадался. "Мастер Сюань", - первый начал третий дядя, - "Эти трое молодых людей здесь..."

Старик мягко отрезал его, не давая ему закончить, сказав: "Я знаю цель их визита". Я понял это в тот момент, когда вы сказали мне имя этого мальчика", его костлявый палец был натренирован на меня. "Это ничто иное, как Судьба! Много лет я ждал этого дня!" Мы все были ошеломлены молчанием. Старик улыбнулся. "Сядьте!" Он позвал нас к табуреткам вокруг стола: "Сядьте и послушайте мою историю!"

□□Когда мы все сидели, старик выпил из своей чаши и спросил: "Вы слышали о "Битве при Пекине", которая произошла в 1644 году?" Третий дядя с недоумением смотрел, его рот заикался непостижимо. Мягко говоря, я спросил: "Это был тот год, когда Ли Цычэн вошел в Пекин?". Старик хихикал и ответил: "Хорошо, хорошо! У этого ребенка есть потенциал!" И так началась его история...

□□Когда последний император династии Мин, император Чунчжэнь, вззошел на трон, он обратился за советом к пророку. Пророк дал ему два указания. Первое - возвести конюшню в задней части его дворца. Ему было поручено держать хорошую лошадь и нанять смотрителя, чтобы он заботился о повседневных нуждах лошади. В наставлении пророка императору было ясно сказано, что если первая лошадь умрёт от старости, он должен получить другую лошадь. В первые годы царствования император прислушивался к наставлениям пророка и содержал лошадь. Но со временем он не увидел достоинств в содержании коня, и конюшня была снесена после смерти первой лошади годами позже. С тех пор он не держал лошадь во дворце! Но когда в 1644 году Ли Цычжэн напал на Пекин, император Чунчжэнь повесился. Возможно, даже до самой смерти он и не догадывался, что истинная цель пророка - приказать ему оставить лошадь - была в том, чтобы он бежал во время опасности! Второе указание пророка хранилось в шелковом мешочке, который он поручил императору открыть только во время смертельной опасности. Когда вторгшиеся войска повстанцев Ли Цычжэна все ближе и ближе приближались к столице, побеждая все военные силы, которые императорское правительство бросило ему на помощь, император Чунчжэнь, не видя других вариантов, открыл мешочек и нашел полоску бумаги. На ней провидец начертал послание: "Уничтожьте родословную ренегата и право править". С такой поспешностью, с какой только мог, император приказал отправить секретное указание так же быстро, как лошадь может ехать к губернатору Шэньси, человеку по имени Ван Цяонянь...

□□В пятнадцатый год правления императора Чунчжэня, магистрат уезда Мичжи в провинции Шэньси, откуда родом Ли Цычэн, человек по имени Бянь Дашоу получил дело. Фермер пришел просить правосудия, жалуюсь на то, что некоторые сотрудники магистрата насильно лишили его урожая чеснока. При обычных обстоятельствах дело кажется очень простым. Но фермер не переставал склонять голову, когда преклонял колени перед землей, и даже заполз на сторону Бянь Дашу и обнял его за ноги.

□□Понимая, что с этим фермером было нечто большее, чем кажется на первый взгляд, он приказал прервать заседание суда и проинструктировал фермера встретиться с ним в задней палате. Бянь Дашу приказал уйти от своих людей и потребовал оставить его одного, где он встретился с фермером в одиночестве. Уверенный в том, что их не разглядывают любопытные глаза, крестьянин снял шляпу и извлек изнутри тайное послание от самого Императора. "Я - тайный посланник самого Императора". Из-за тяжести этих приказов я должен был хранить в строжайшей тайне, следя за тем, чтобы эти приказы дошли до ваших рук!". Курьер раскрыл. Бянь Дашоу распечатал послание и проговорил через послание. В послании содержался приказ ему снести гробницу предков ренегата Ли Цычэна и уничтожить его драконьи лучи,

чтобы разрушить его судьбу быть королем. Бьян Дашу кивнул. Он вернулся в парадный зал и возобновил судебное разбирательство, приказав своим людям выплатить "фермеру" причитающуюся ему компенсацию, и отправил его в путь.

□□Однако после отъезда курьера Бьян Дашу был в растерянности. Откуда он мог найти гробницу предков ренегата? Как бы он нашел линии лея (в случае потенциального правителя, драконьего лея), которые представляли собой судьбу Ли Цзычэна, чтобы стать королем? Он волновался и испугался. Его тревожное поведение было замечено одним из его ближайших подчиненных и доверенных, Цзя Хуанем. "Почему вы так волнуетесь, господин?" Бьян Дашоу доверился ему по поводу секретного имперского послания и приказов, которые в нем содержались. "Это секретное указание императора". Но как мне найти эти вещи, не привлекая внимания и не вызывая тревоги?" Бьян Дашоу пожаловался в ужасе. "Более того, снести гробницу предков - это ненавистный поступок. Слишком большой риск! Когда империя Мин находится на грани краха, Ли Цзычэн наверняка будет охотиться за всей моей семьей, если до его ушей дойдут слухи об этом"!

□□"Что ж, вы нашли правильного человека, господин," уверенно стукнул Цзя Хуань, "Я знаю, где они!" Бьян Дашоу с трудом поверил своим ушам! Как он узнал об этом, спросил своего человека. "Одного из наших констеблей здесь зовут Чжан Цзисян". Но многие не знают, его настоящая фамилия не Чжан, а Ли. Его настоящее имя - Ли Цзысян; и он - истинный старший брат ренегата, Ли Цзычэн. По правде говоря, он завербовал более двадцати человек, чтобы помочь повстанцам, когда они придут. На самом деле, я один из них! Но если вы хотите узнать расположение гробницы его предков, мы можем сначала подойти к нему поближе, чтобы узнать, прежде чем решать, что делать".

□□Бьян Дашоу послал за Ли Цзисяном и потребовал: "Почему ты притворяешься Чжаном, когда твоя настоящая фамилия - Ли?". Ли Цзисян, пытаясь объясниться, испугался, но вдруг сзади появилась Цзя Хуань, сказав: "Больше нет нужды в ложных показаниях, брат Ли. Я во всем признался магистрату!" Ли Цзисян упал на колени, умоляя о пощаде. Бьян Дашоу подошел к нему и помог ему встать на ноги, утешая его: "Не бойся, друг мой". Я также боюсь, что Империя больше не продержится. Мне интересно быть с вами братьями под присягой. Возможно, я все еще смогу спасти будущее для себя". Ли Цзычэн был очень рад услышать это, и они поклялись быть братьями. С этого момента Бьян Дашоу остался начальником Ли Цзычэна на публике, но наедине они вели себя как братья.

□□Чжан Цзыцзян мало что знал о том, что истинной целью Бьян Дашоу было приблизиться к нему, чтобы узнать фактическое местонахождение гробницы предков Ли Цзычэна. Последний также провел собственное тайное расследование и выяснил, что дедушку Ли Цзычэна звали Ли Хай, а отца - Ли Шучжун. Ли Шучжун был похоронен в присутствии другого односельчанина по имени Ли Чэн после его смерти.

□□Бьян Дашоу, заботясь о поддержании своего фасада, ежедневно проводил время с Чжан Цзысяном, звав его выпить каждый вечер вместе. Они говорили о фэншуй и о том, что гробница предков семьи Ли должна была быть построена на благоприятном участке земли. По мере того, как его внимание начинало омрачаться влиянием вина, какие сомнения или защита, которую Чжан Цзысян поддерживал, рушились, как избитая стена, по мере того, как Бьян Дашоу подталкивал его к расположению гробницы его семьи. Вскоре после этой ночи Бьян Дашоу пригласил Чжана Цзысяна на охоту, где они также посетили гору Сан-Фэн-Цзы

(буквально, гору Трех Малых Пиков), и Бянь Дашоу воспользовался возможностью, чтобы выяснить расположение гробницы предков Ли Цзычэна.

Вскоре в Бянь Дашоу стало известно, что повстанческие силы направляются прямо в уезд Тунгуань. Бянь Дашоу дал Чжан Цзыцзяну семь тысяч таэлей серебра и поручил ему присоединиться к ренегату. Серебро должно было помочь себе карри благосклонности с ренегатом, который возможно мог быть королем в один прекрасный день. Чтобы удостовериться, что Чжан Цзисян действительно покинул территорию, Бянь Дашоу послал двадцать констеблей, которые пообещали свою преданность делу мятежников и даже поручил Цзя Хуану последовать за ними и наблюдать за ними. Убедившись, что Чжан Сиксян уехал, он организовал группу из тридцати луковых и шестидесяти сельских жителей и записал Ли Чэна в качестве проводника, чтобы возглавить их ночное путешествие на сто тридцать миль к горе Сан-Фэн-Цзы. Тогда шёл сильный снег, и путь к горе был покрыт двухметровым уплотнённым снегом. По снежной буре не было возможности прокатиться на лошади по снежной буре, так как условия были холодными, а тропа скользкой. В течение последних пяти-шести миль Бянь Дашу вел своих людей в поход по ветреным и коварным тропам в пустынные горы. Они толкались, зажимались и сражались, как им было позволено, пока, наконец, не добрались до могил предков, где они укрыли спокойствие мавзолея. Звон высоких и красивых горных хребтов в захватывающем дух висте, мавзолее не имел болезненного зловещего вида, как кизил, а выглядел мрачно и торжественно, как последнее пристанище для героев, за которым бесшумно наблюдали толпы высоких деревьев, возвышающихся над двадцатью и более могилами, подобно осторожным стражам. По словам Ли Чэна, здесь когда-то было вырыто три полости, а в одной из них был похоронен отец Ли Цзычэна, Ли Шучжун. Когда он был погребен, было темно; поэтому могильщики использовали чашу, наполненную маслом, чтобы зажечь лампу. Лампа была также похоронена вместе с телом Ли Сучжона, когда дело было сделано. Следовательно, могила с чашей была бы могилой Ли Шучона.

После рытья пяти или шести могил, могила с чашей черного цвета до сих пор не найдена. Ночь была на них, и они остались вместе у могилы на ночь. На следующее утро они нашли могилу Ли Хай и Ли Шучжона. Но на могиле последнего было вязовое дерево, растущее на вершине, на ветвях которого были странные, жутковатые листья. С помощью топора они срубили дерево, чтобы эксгумировать останки Ли Шучона. Но вместо этого в гробу нашли длинную белую змею длиной около 1,2 футов. Когда крышка гроба открылась, змея прыгнула в воздух, поднявшись на метры, прежде чем вернуться в могилу. Бянь Дашоу изучал змею. На его голове начали образовываться рога, которые медленно напоминали дракона. Один из его глаз еще не изменился, и большая часть его тела все еще была похожа на змею. Бянь Дашоу приказал запечатать змею и черную чашу из могил в красный деревянный сундук. Он должен был представить сундук и его содержимое как доказательство своего поступка. Когда белая змея была удалена из могилы, на останках Ли Шучжона начали прорастать волосы! Бянь Дашоу немедленно приказал эксгумировать все оставшиеся могилы и сжечь все остатки, на которых начали расти волосы. Но это еще не все. Чтобы нарушить фенгшуй этого места, он приказал срубить все триста триста и более деревьев в окрестностях. Когда он вернулся, он написал сообщение: Гробница предков предателя-ренегата была уничтожена, а его судьба быть королём полностью разрушена; силы мятежников, несомненно, будут направлены в мгновение ока! С красным деревянным сундуком, сообщение было послано к его начальнику, губернатору провинции Wang Qiaonian. В тот же самый день Ли Цзычэн потерпел поражение в одном из своих сражений в Хэнане, где он был расстрелян в один из своих глаз.

Но и Бянь Дашоу, и Ван Цяонянь не знали, что их закладка в гробнице предков Ли Цзычэна

была едва ли правильным способом разорвать его дракона лея! Лея дракона одного мандата быть королем должна была быть уничтожена с помощью специального меча и также определенного мощного заклинания для того чтобы убить ту белую змею! Тем не менее, поскольку Бьян Дашоу суждено было разрушить судьбу Ли Цзычэна быть королем, это может означать и другое: необычная судьба ожидала и самого Бьяна Дашоу! Но Бьян Дашоу, не зная, что уберет белую змею, не смог полностью избавить империю от угрозы Ли Цзычэна. В конце концов, император Чунчжэня неминуемо покончил с собой, когда Ли Цзычжэн занял столицу! Но действия Бьянь Дашоу ускорили недолговечное правление лидера отступников, фактически проложив путь маньчжурам, чтобы узурпировать весь Китай, заполнить вакуум власти и установить династию Цин в будущем. Правители империи Цин поклонялись шаманизму, а шаманы и медиумы империи Цин все знали об этом!

□□Несмотря на одну победу в Хэнане, остатки императорских войск потерпели великие поражения, так как Ли Цзычэн, не сломленный его неудачей, продолжал пахать в сторону Пекина. Опасаясь, что они могут пострадать от гнева Ли Цзычэна за то, что сделал Бьян Дашоу, народ округа Мичжи начал строить планы по захвату Бьян Дашоу и передаче его Ли Цзычэну, надеясь, что это может пощадить их жизни....

<http://tl.rulate.ru/book/34841/871991>